

НИТИНЬ Д. П., СТАЛТМАНЕ В. Э.

**НАСЛЕДИЕ Я. ЭНДЗЕЛИНА-КОМПАРАТИВИСТА
(К выходу в свет «Избранных трудов» Я. Эндзелина)**

Выдающийся латышский ученый акад. Янис Эндзелин (1873—1961) известен своими капитальными трудами в области балтийского языкознания, балто-славянских языковых отношений. Особенно значительным заслуги Я. Эндзелина в исследовании родного языка, в собирании и изучении диалектных и топонимических материалов, этимологизации языковых данных. Глубокое и всестороннее изучение диалектного и фольклорного материала (особенно архаического языка народных песен), владение индоевропейскими языками (в том числе древними) дали возможность ученому ввести латышский язык в сферу сравнительно-исторических штудий. Именно факты латышского языка позволили Я. Эндзелину решить многие проблемы индоевропеистики, в частности акцентологические.

Я. Эндзелин отличался исключительной научной активностью и многосторонностью лингвистических интересов. Он является автором пятнадцати книг и более трехста опубликованных статей, не считая многочисленных заметок, рецензий и отзывов. Статьи Я. Эндзелина написаны на разных языках: латышском, русском, немецком, а также на литовском, французском, итальянском, польском и опубликованы более чем в двадцати языковедческих журналах или периодических изданиях его времени. Поэтому весьма своевременным следует признать появление «Избранных трудов» Я. Эндзелина [1—6], подготовленное Институтом языка и литературы им. А. Упита АН Латвии.

«Избранные труды» Я. Эндзелина в хронологической последовательности включают в себя статьи и рецензии, в том числе некоторые материалы, сохранившиеся в рукописном виде, например, «Индоевропейское ударение» [1, с. 204—209]. Переизданы также некоторые его труды, опубликованные отдельными книгами и ставшие в наши дни библиографической редкостью. К ним относятся: «Латышские предлоги» (ч. 1—2, 1905—1906 [1, с. 307—655]), «Славяно-балтийские этюды» (1911 [2, с. 167—354]), «Lettisches Lesebuch» (Латышская хрестоматия, 1922 [3, с. 176—348]), «Latvijas vietu vārdi» (Топонимические названия Латвии, ч. 1—2, 1922—1925 [5, с. 13—302]), «Latviešu valodas skaņas un formas» (Звуки и формы латышского языка, 1938 [5, с. 303—525]), «Senprūšu valoda» (Древнепрусский язык, 1943 [6, с. 9—351]), «Ievads baltu filoloģijā» (Введение в балтийскую филологию, 1945 [6, с. 352—410]), «Baltu valodu skaņas un formas» (Звуки и формы балтийских языков, 1948 [6, с. 411—619]).

За рамками «Избранных трудов» осталось несколько книг Я. Эндзелина, в числе которых работы, подготовленные им совместно с К. Меленбахом [7, 8, 11], а также ряд газетных статей и докладов, лекционных и прочих материалов.

Следуя традициям немецких младограмматиков, Я. Эндзелин тщательно изучал конкретные факты языка в их развитии. С русской же компаративистикой Я. Эндзелина сближало понимание социальной детерминированности языковых процессов, понимание множественности причин изменений языка.

Я. Эндзелин сознавал, что старая методика младограмматиков в известной мере изжила себя и зашла в тупик [4, с. 518—525], однако, ревностно защищая положительный опыт традиционного языкознания, он

полагал, что компаративистика, базирующаяся на обширном фактологическом материале, играет исключительную роль в изучении истории отдельных языков. Этими убеждениями ученый руководствовался в своей лингвистической деятельности, которой свойственны самостоятельность и осторожность в выводах, критическое отношение к таким научным положениям, которые не подтверждаются языковыми данными, — ибо он доверял только фактам [3, с. 688—695].

Следуя традициям классического сравнительно-исторического языкознания, главное внимание Я. Эндзелин сосредоточил на изучении фонетических и морфологических явлений, хотя в его наследии есть также работы, посвященные историческому синтаксису (например, «Латышские предлоги») и другим областям лингвистики. При описании отдельных звуков латышского или балтийских языков он указывал на их соответствия в других индоевропейских языках, на новообразования данного звука уже на почве того или другого балтийского языка, в особенности в латышских говорах, а также на причины преобразований изучаемого звука в другое качество. Труды Я. Эндзелина, таким образом, показывают не только возможность, но и определенную целесообразность одновременного изучения диахронных и синхронных явлений в языке и его диалектах. Показательны в этом плане его исследования, представляющие собой систематический курс исторической грамматики латышского языка с привлечением в качестве иллюстраций богатого диалектного и фольклорного материала, а также параллелей из других языков [10, 14].

Не только в монографических работах, но и в многочисленных статьях Я. Эндзелина освещаются различные фонетические вопросы, такие, как латышские интонации [1, с. 17—30, 117—132, 196—203; 2, с. 513—527; 3, с. 160—175], взгляды Е. Куриловича на балто-славянские интонации [4, с. 69—75, 321—326], смягчение заднеязычных согласных в латышском языке [1, с. 290—306], фонетические изменения и их причины, судьба носовых звуков в латышском языке, «вставочные» *k* и *g* в балтийских языках, «подвижное» *s* в латышском языке [2, с. 74—83, 144—159, 420—439].

Одна из наиболее сложных проблем истории балтийского вокализма — рефлексы и.-е. **o* и **a* в общепалтийском. Положение о том, что в общепалтийском был некий гласный **o*, в котором совпали и.-е. **a* и **o*, выдвинутое еще в 1922 г. Г. Якобсоном, Я. Эндзелин признал все же ненадежным [6, с. 422; 14, с. 57]. Хотя в своей грамматике латышского языка дифтонг *ou* < *ai* в ливонских говорах Я. Эндзелин объяснял влиянием ливского языка [10; 14, с. 10—11], он обратил внимание и на то, что сочетание *ai* изменилось в *ou* также возле эстонской границы, в верхнелатышских и некоторых литовских говорах (в эстонском и финском языках сочетание *ai* сохранилось), и тем самым выразил сомнение относительно влияния ливского языка на превращение *ou* < *ai* [14, с. 124; 4, с. 425].

Я. Эндзелин занимал вопрос возникновения дифтонга *ie* в латышском и литовском языках [2, с. 9—30, 488—498; 4, с. 104; 5, с. 336—337; 14, с. 59]. Ученый полагал, что литовско-латышское *ie* (< *ei*) восходит к долгому гласному **ē* [2, с. 21; 14, с. 58—60]. Он возражал против положений К. Бругмана, Г. Хирта, Э. Бернекера и других ученых о развитии балтийского дифтонга *ie* также из общиндоевропейских **ai* и **oi*. Свое предположение Я. Эндзелин пытался доказать, исходя из количественного соотношения литовско-латышских форм с дифтонгами *ei*, *ie* и *ai* [2, с. 10—21]. Он считал, что превращению дифтонга *ei* в *ie* в литовском и латышском языках содействовало ударение, поскольку не нашел ни одной непронизводной литовско-латышской формы с *ei* и устойчивым ударением на корне [2, с. 14—28; 6, с. 424].

Я. Эндзелин, вслед за Ф. де Соссюром, А. Мейе, Ф. Ф. Фортунатовым, призывал ученых уделять больше внимания изучению количественных отношений и интонаций балтийских языков, исследованию истории ударения в балто-славянских языках, что в немалой степени способствовало развитию славяно-балтийской и индоевропейской акцентологии вообще.

На материале балтийских и славянских языков Я. Эндзелин рассмотрел действие закона Фортунатова — Соссюра о переносе ударения с краткого или циркумфлективного слога на следующий, конечный акутированный слог [4, с. 432].

Вначале Я. Эндзелин не признавал закона о старом передвижении ударения в славянских и балтийских языках с конечного слога на предшествующий акутированный слог, который постулировался Г. Хиртом, А. А. Шахматовым и др., так как он, по его мнению, не подтверждается надежным языковым материалом: данному переносу противоречат слова латышского языка с прерывистой интонацией в корне [1, с. 127; 2, с. 381—389; 3, с. 634, 639]. Однако позднее ученый, по-видимому, допускал действие упомянутого закона, хотя отмечал, что механизм его не так прост, как полагал Г. Хирт [14, с. 32, 37—40].

Поскольку акутированные долги перед старым ударением выговаривались с восходящей интонацией, подобное произношение этих долгот должно было, по мнению Я. Эндзелина, сохраняться также при оттяжке ударения на предыдущий слог. Однако ученый подразумевал, что данная оттяжка произошла в пралатышском, хотя и отметил сохранение восходящей интонации не только в селонских говорах латышского языка, но и в некоторых литовских говорах, а также в штокавском диалекте сербского языка. Так как прерывистая интонация возникла позднее из определенной восходящей интонации уже на почве латышского языка и являлась, таким образом, инновацией более позднего времени, Я. Эндзелин, вслед за Г. Хиртом, А. Бецценбергером и др. учеными, предполагал, что как в индоевропейском, так и прабалтийском были две интонации [1, с. 197—200; 205; 6, с. 417—419; 14, с. 34—38].

Большое внимание Я. Эндзелин уделил истории морфологической системы балтийских языков, в частности ее развитию в латышском. «Учение о формах» [6, с. 458—616] или же «Учение о словах» [7; 5, с. 382—525], которые преимущественно связаны со словообразованием и морфологией, занимают в его трудах значительное место (ср., например, [14, с. 255—1018]). Проблемам морфологии посвящен ряд статей и заметок Я. Эндзелина, в которых ученый рассматривал, например, такие вопросы, как степени сравнения, склонение прилагательных с определенным окончанием в латышском языке [1, с. 243—246, 263—267], возникновение и употребление латышского дебитива [1, с. 138—150, 288; 2, с. 64—69], возвратные формы в латышском языке [1, с. 187—195], видовое значение латышских глаголов [1, с. 622—654; 2, с. 57—63], прошедшее время в латышском языке [2, с. 57—63, 90—130], славяно-балтийское спряжение [3, с. 579—587] и др.

Особо следует отметить выдающийся вклад латышского ученого в этимологию [11, 12]. Начиная с 1902 г. регулярно появлялись его лингвистические этюды, в которых давались этимологии отдельных слов, таких, как *maize* «хлеб», *manīa* «имущество», *piedurkne* «рукав», *zūtis* «угорь», *kamieši* «плечи», *ķeiris* «левша» [1, с. 210—212, 247, 249—250], *priede* «сосна», *lišķis* «лысцев», *sudmalas* «мельница», *ūpis* «филин», *vālodze* «иволга» [2, с. 72, 163, 535], *jūra* «море», *muīža* «имение» [3, с. 465—466]; немало внимания Я. Эндзелин уделил происхождению названия божества *Čisņš* [1, с. 251, 268—272; 2, с. 36—40].

Этимологическим и прочим небольшим статьям, посвященным рассмотрению фонетических, морфологических и других явлений, Я. Эндзелин давал скромные названия «Miszellen», «Sīkumi» («мелочи»), хотя в них в сжатой форме решались существенные вопросы балтистики (к примеру, о суффиксе *-ala*, дифтонге *ie*, о литовско-латышском *tie* и прусском *stai* и др. [2, с. 357, 361, 488—498, 534]).

Я. Эндзелин глубоко осознавал важность диалектологии для изучения истории языка, особенно подчеркивая, что для латышского языка диалектные данные имеют первостепенное значение, ибо сравнительно поздние старейшие письменные памятники, написанные, как правило, немецкими пасторами, представляют собой, особенно в XVI в., скудный

по объему материал жанрово ограниченных текстов и являются в языковом отношении не вполне надежными [1, с. 151; 14, с. 22].

Под влиянием идей младограмматиков ученый обратился к изучению живого народного языка еще в юрьевский период, когда во время летних каникул 1900—1903 гг. вместе с К. Мюленбахом путешествовал по Латвии, собирая материалы латышских говоров. В 1911—1912 годах при материальной поддержке Харьковского университета [2, с. 419] Я. Эндзелин продолжал собирательскую работу, подготовил Программу по описанию латышских говоров [1, с. 151—186; 2, с. 404—416].

Образцы латышских говоров помещены в составленной ученым хрестоматии «*Lettisches Lesebuch*» [3, с. 253—304], а диалектный и песенный материал широко представлен в его монографиях, особенно в Грамматике 1951 г. Среди статей Я. Эндзелина, посвященных изучению латышских говоров и их особенностей, можно отметить работы о западнокурземских говорах, названии земгалов и об их диалекте [3, с. 415—421], о жителях Куршской косы (*kursenieki*) и их языке [3, с. 571—578; 4, с. 66, 95] и др.

Уже в начале века Я. Эндзелин стал заниматься изучением топонимии Латвии. Этой проблематике посвящены его монографические исследования [5, с. 13—301; 15] и ряд статей, в которых, в частности, анализируются названия имений [2, с. 376], названия волостей [3, с. 99, 380—382], топонимы окрестностей Талсы, латвийские гидронимы [4, с. 254, 162—194]. Регулярно ученый анализировал форму и этимологию таких названий, как *Venta, Vāczene, Bērzaune, Gauja, Rauna* [2, с. 357, 359, 476, 565, 699], *Amata* или *Amata, Piltene, Cēsis, Cēsvaine* [3, с. 125, 522, 559], *Jeļgava, Liepāja, Saldus* [4, с. 46—50, 117] и мн. др. Я. Эндзелин отмечал значение собирания и изучения топонимических названий для языковедческих и исторических исследований, в особенности для установления границ проживания древних балтийских племен.

Неоднократно Я. Эндзелин обращался к рассмотрению этногенетических проблем балтийских племенных языков, проблеме образования языка латышской народности, его отношений с литовским и древнепрусским языками [2, с. 41—56, 131—143; 3, с. 542—551; 4, с. 241—252; 6, с. 377—389]. Латышский лингвист не соглашался с доминировавшим еще до 1912 г. мнением, например, Ф. Видемана, Бодуэна де Куртенэ и др. ученых о том, что куршей можно идентифицировать с ливами и что в XIII в. под влиянием литовского населения происходила ассимиляция данного финского племени. Представителей племени куршей Я. Эндзелин считал балтами, а их речь — балтийской — промежуточной между латышским, литовским и прусским языками [2, с. 358; 440—465; 4, с. 553, 558; 5, с. 309].

Я. Эндзелин уделил также внимание изучению взаимоотношений балтийских и славянских языков. Ученый исследовал как древнейшие их связи, так и более поздние контакты между ними, о чем свидетельствует его ранняя работа «Латышские заимствования из славянских языков», 1899 [1, с. 80—113].

Обстоятельный труд «Славяно-балтийские этюды» (1911) был вызван к жизни необходимостью пересмотреть концепцию существования славяно-балтийской эпохи после того, как она подверглась критике со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ и А. Мейе. Стремясь выявить единство славянских и балтийских языков при помощи полной инвентаризации их соответствий и доказать симбиоз данных языков после их выделения из индоевропейского, Я. Эндзелин со свойственной ему скрупулезностью классифицировал все известные фонетические, морфологические, синтаксические и лексические данные. Отметим, что наряду с соответствиями, приведенными К. Бругманом и Г. Хиртом, он привлекал и другие факты, которые до него в литературе не рассматривались.

Специально к проблеме древних балтийских и славянских языковых отношений Я. Эндзелин вернулся сорок лет спустя, в 1952 г., прочитав доклад и подготовив статью «Древнейшие славяно-балтийские языковые связи» [4, с. 429—445]. Данное выступление латышского ученого яви-

лось как бы ответом на книгу Э. Френкеля «Die baltischen Sprachen» (1950), в которой были подвергнуты острой критике многие признанные древними соответствия балтийских и славянских языков и, таким образом, отрицалась возможность существования славяно-балтийского единства.

Я. Эндзелин отстаивал гипотезу о существовании некоей «эпохи совместной жизни» славянских и балтийских племен, однако, в отличие от сторонников славяно-балтийского единства, он указывал на значительные расхождения, существовавшие между славянскими и балтийскими языками. Так, в процессе исследования изменений и.-е. *s Я. Эндзелин пришел к выводу, что «вместо мнимого совпадения славянских и балтийских языков мы... тут скорее находим старое различие между ними» [2, с. 237—238].

Анализ большого языкового материала, который в трудах Я. Эндзелина всегда приобретал главную доказательную силу, и основательное изучение литературы вопроса привели ученого к выводу, что «уже в эпоху общего индоевропейского праязыка „славянский“ говор кое-чем отличался от „балтийского“ говора, занимая приблизительно срединное положение между „арийским“ и „балтийским“ говорами» [2, с. 346]. Я. Эндзелин полагал, что «при распадении общего праязыка арийцы отделились территориально от славян, последние, оставаясь, ближайшими соседями балтийского племени, вступили с ним в эпоху совместной жизни...» [2, с. 346].

Данное положение в некотором смысле совпадает с идеей А. Мейе о вторичном сближении славянских и балтийских языков. Однако Я. Эндзелин подчеркивал, что эти «языки были еще настолько близки друг другу, что славяне понимали балтийскую речь, и наоборот». При этом «их языки обогатились целым рядом общих им новых слов и подверглись некоторым... общим изменениям в области фонетики, морфологии и синтаксиса» [2, с. 346]. Ученый отмечал, что можно говорить о «славяно-балтийской эпохе», а термином «славяно-балтийский праязык» лучше не пользоваться, так как это наводит на мысль о полном их единстве в лингвистическом отношении [2, с. 347]. В 1911 г. и позже Я. Эндзелин указывал, что под совместной славяно-балтийской эпохой он понимает сближение двух первоначально самостоятельных, но еще не очень отдаленных индоевропейских диалектов. Например, в Грамматике 1951 г. ученый писал, что термин «праязык» он использует в значении «группа взаимно очень близких диалектов или говоров», однако невозможно установить какой-то особый славяно-балтийский праязык и можно предположить лишь период более близких связей [14, с. 4, 18].

Работы Я. Эндзелина свидетельствуют о том, что в формировании латышского языка в его современном виде немалую роль сыграло взаимодействие латышского и ливского, отчасти восточного языков, поскольку в истории латышского языка влияние двух последних сказалось в области лексики, фонетики и грамматики, ср. употребление надежных форм существительного вместо отыменных прилагательных, фиксированность ударения на первом слоге и др. [4, с. 246—252, 416—422, 424—428; 5, с. 312, 318; 6, с. 413, 14; с. 19, 32]. Влияние ливского языка Я. Эндзелин прослеживал в топонимических названиях типа *Ainaži, Limbaži*, поскольку латышские формы на *-ži* (по крайней мере, частично) восходят к ливскому *illativus pluralis* [4, с. 91—94].

Будучи выдающимся компаративистом, Я. Эндзелин в то же время никогда не оставался в стороне от решений актуальных проблем языковой практики, вопросов культуры латышского языка, о чем свидетельствуют прокомментированный им перечень часто встречающихся неправильностей латышского языка [16; 4, с. 9—45] и значительное количество статей и заметок, посвященных таким вопросам, как орфография, наименование улиц и переименование некоторых волостей, правописание фамилий, топонимических названий, выбор новой фамилии, создание новых слов и др. [2, с. 34; 3, с. 60, 65, 69, 77, 79, 92, 94; 4, с. 357, 396]. Ученый участвовал в составлении ортологических справочников [17]

и неоднократно являлся редактором подобных изданий К рассмотрению норм литературного языка Я Эндзелин подходил с позиций структуры языка и исторических путей его развития, с позиций необходимости, целесообразности и распространенности новых явлений языка

Работу над подготовкой к изданию «Избранных трудов» Я Эндзелина сотрудники Института языка и литературы им А Ушита АН ЛатвССР начали уже в 1957 г., кропотливо собрав разбросанные по разным журналам и газетам статьи и рецензии ученого, а также переиздав ряд его труднодоступных монографий Труд этот успешно завершен и заслуживает самой высокой оценки Данное издание отличают тщательность текстологической и редакторской работы, высокое качество полиграфического оформления «Избранные труды» снабжены подробными постраничными редакторскими примечаниями, исчерпывающей расшифровкой авторских сокращений в тексте и литературе, а также перечнями приводимых в работах Я Эндзелина старых географических названий и названий жителей Латвии с их современными нормативными соответствиями.

«Избранные труды» Я Эндзелина вышли в четырех томах (шесть книг) Этому ценному изданию явно недостает дополнительного справочного тома, который включал бы предметный и именной указатели, библиографию трудов Я Эндзелина (наиболее полный перечень его работ опубликован в 1959 г (18)), а также очерк жизни и научной деятельности ученого

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Endzelins J Darbu izlase I seļ Rīga, 1971
- 2 Endzelins J Darbu izlase II seļ Rīga, 1974
- 3 Endzelins J Darbu izlase III seļ, 1 daļa, Rīga, 1979
- 4 Endzelins J Darbu izlase III seļ, 2 daļa Rīga 1980
- 5 Endzelins J Darbu izlase IV seļ 1 daļa Rīga 1981
- 6 Endzelins J Darbu izlase IV seļ, 2 daļa, Rīga, 1982
- 7 Endzelins J, Mūlenbachs K Latviešu gramatika 1—5 izd Rīga, 1907—1934
- 8 Endzelins J Mūlenbachs K Latviešu valodas mācība 1—13 izd Rīga, 1908—1939
- 9 Эндзелин Я Введение в языковедение Из лекций, читанных в Харьковском ун-те в 1909/10 уч г Ч 1—2 Харьков, 1910
- 10 Endzelins J Lettische Grammatik Rīga 1922
- 11 Mūlenbachs K Latviešu valodas vārdnīca Rediģejis, papildinājis nobeidzis J Endzelins I—IV seļ Rīga, 1923—1932
- 12 Endzelins J, Hausenberga E Papildinājumi un labojumi K Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai I—II seļ Rīga, I, 1934, II, 1946
- 13 Endzelins J Altpreuussische Grammatik Rīga, 1944
- 14 Endzelins J Latviešu valodas gramatika Rīga, 1951
- 15 Endzelins J Latvijas PSR vietvārdu I daļa 1—2 seļ Rīga 1956—1961
- 16 Endzelins J Dazadas valodas kļūdas 1—4 izd Rīga 1928—1932
- 17 Izrunas un rakstības vādonis Sast J Endzelins un P Smidts 1—8 izd Rīga, 1921—1930
- 18 Egle K, Paeglis J Prof Dr J Endzelina darbu bibliogrāfija — Grām Rakstu krasjums Veltijums akadēmikim, profesoram Dr Janim Endzelinam viņa 85 dzives un 65 darba gadu atcerei Rīga, 1959